

Глава 19

Вдоль берегов Каспия

После подписания Ништадтского договора Россия наконец обрела мир. Казалось, что теперь представилась возможность направить колоссальную энергию, растратившуюся доселе в военных кампаниях от Азова до Копенгагена, на обустройство самой страны. Петр стремился остаться в истории не только победоносным полководцем: он видел себя прежде всего преобразователем. Тем не менее, когда торжества по поводу заключения Ништадтского договора были еще в разгаре, государь распорядился подготовить войска к новому походу. Следующей весной предстояло выступить на Кавказ, против Персии, и возглавить армию вновь собрался сам император.

Хотя известие это и прозвучало неожиданно, задуманный бросок на юг не был внезапной причудой. Большую часть своей жизни Петр слышал цветистые истории о Востоке – о Китайской империи, несметных сокровищах Великого Могола в Индии, о богатых караванных путях, ведущих через Сибирь в Китай и из Индии через Персию на Запад. Об этом, дразня воображение юного царя, рассказывали проезжавшие через Россию путешественники, останавливающиеся в Немецкой слободе. Многие Петр почерпнул из бесед с большим знатоком географии Востока амстердамским бургомистром Николасом Витсенем, с которым царь вел долгие разговоры во время своего первого визита в Голландию. Теперь Петр наконец вознамерился воплотить свои юношеские мечты в жизнь.

Он уже предпринял попытку добраться до Китая, учредив в Пекине постоянную российскую миссию и расширив существовавшую и ранее торговлю чаем, мехами и шелком. Однако китайцы держались настороженно и высокомерно. Воинственная маньчжурская династия, правившая в Пекине, находилась в то время на вершине своего могущества. Великий император Кан-си, взошедший на трон в 1661 году семи лет от роду и правивший до своей кончины в 1722 году, ознаменовал свое царствование тем, что установил мир со всеми соседями и оказывал покровительство живописи, поэзии, искусству фарфора и всяческим наукам. Словари и энциклопедии, выпущенные по повелению императора, оставались непревзойденными образцами для многих последующих поколений. Кан-си терпимо относился к иностранцам при своем дворе, однако, несмотря на все усилия Петра, сближение с Китаем шло медленно. В 1715 году русский миссионер архимандрит Илларион был принят в Пекине и даже удостоен сана мандарина пятого класса. В 1719 году Петр назначил капитана Преображенского полка Льва Измайлова чрезвычайным посланником в Китае и отправил с ним в дар императору четыре подзорные трубы из слоновой кости, собственноручно изготовленные российским государем. При китайском дворе Измайлов поначалу был принят дружелюбно и с почетом, однако, начав переговоры, посланник запросил слишком много: предложил снять все ограничения на торговлю между Россией и Китаем, учредить для обеспечения торговых сношений русские консульства в китайских городах и просил разрешения построить в Пекине православную церковь. Китайцы отвечали надменно: «У нашего государя торгов никаких нет, а вы купечество свое высоко ставите, мы купеческими делами пренебрегаем, у нас ими занимаются самые убогие люди и слуги, и пользы нам от вашей торговли никакой нет, товаров русских у нас много, хотя бы ваши люди и не возили». Измайлов уехал ни с чем, а русским торговым караванам впоследствии стали чинить помехи. Кан-си умер в 1722 году, а его сын Юн-чин был еще менее расположен к христианам. Таким образом, в последние годы царствования Петра торговля с Китаем не только не оживилась, но и захирела.

Зато на Севере не было силы, способной воспрепятствовать расширению пределов России и ее утверждению на пустынных берегах Охотского моря и Тихого океана. Именно при Петре Россия заявила о своих правах на Камчатку и Курильские острова. В 1724 году, незадолго до смерти, Петр поручил датчанину на русской службе капитану-командору Витусу Берингу возглавить экспедицию к восточной оконечности Евразийского материка. Судам его предстояло пройти тысячу миль восточнее Камчатки, дабы выяснить, существует

ли перешеек, соединяющий Евразию с Северной Америкой. Вместо перешейка Беринг обнаружил пролив шириной 53 мили и глубиной 114 футов, который впоследствии был назван его именем⁴³.

За год до начала экспедиции Беринга Петр направил два фрегата на противоположный конец земли, чтобы передать братские приветствия «прославленному королю и властелину острова Мадагаскар». Жители этого гигантского острова не отличались особым гостеприимством по отношению к иностранным визитерам: в 1764 году они перебили французских торговцев и колонистов, и единственными европейцами, ступавшими на побережье острова на протяжении всего XVIII столетия, были пираты вроде капитана Кидда. Впрочем, снаряжая эту экспедицию, Петр руководствовался отнюдь не желанием закрепиться на Мадагаскаре. Приказ предписывал бросить якорь у берегов Мадагаскара, попытаться заключить договор с его правителем, а после того отплыть к настоящей цели путешествия – Индии. Петр мечтал о торговом соглашении с Великим Моголом (помимо всего прочего, он желал, чтобы ему доставляли из Индии тиковую древесину, дабы он мог совершенствовать свое искусство резчика). Но вышло так, что суда не только не достигли Индии и Мадагаскара, но и вовсе не вышли из Балтийского моря. Через несколько дней у одного из фрегатов открылась течь, и оба корабля, к разочарованию Петра, возвратились в Ревель. Прежде чем удалось снарядить новую экспедицию, император скончался.

Вообще-то говоря, Петра привлекал не столько морской путь в Индию, сколько сухопутная дорога из Индии через Персию и Среднюю Азию. Следовавшие этим маршрутом караваны, преодолев Хайберский горный проход, покидали пределы Индии и, оставив позади Кабул, переваливали через хребты Гинкудуша; отсюда им предстоял долгий путь через раскинувшиеся на тысячи миль пустыни и степи, прежде чем они добирались до низовьев Волги – до Астрахани. В годы царствования Петра Средняя Азия была бурлящим котлом. Соперничавшие между собой мусульманские правители, ханы Хивы и Бухары, боролись за сферы влияния, и каждый из них время от времени обращался за поддержкой к России⁴⁴. Война со шведами не позволяла Петру откликнуться на обращения азиатских правителей, но он стал все чаще посматривать в их сторону.

Интерес царя к южным и восточным землям подогревали и слухи о золотых самородках, найденных в сибирских реках, золотоносных жилах на побережье Каспия и золотоносных песках в среднеазиатских пустынях. В 1714, 1716 и 1719 годах Петр снаряжал экспедиции в Сибирь и Среднюю Азию на поиски драгоценного металла. Все они завершились безрезультатно, если не считать того, что участники первой экспедиции на обратном пути соорудили небольшую крепость у слияния рек Иртыша и Оми, из которой впоследствии вырос Омск.

Экспедиция 1716 года закончилась трагически. Наслушавшись рассказов о золотых россыпях на Амударье, протекавшей по владениям хивинского хана, Петр задумал послать экспедицию – дабы передать новому властелину Хивы поздравления по случаю его восшествия на престол и предложить ему покровительство России, если он примет российское подданство. По пути экспедиции надлежало построить форт в устье Амударьи,

⁴³ В последующие годы русские землепроходцы и моряки неоднократно пересекали этот пролив, и вдоль побережья Аляски выросла цепь русских укреплений и торговых постов. В конце концов, чуть более чем через восемьдесят лет после смерти Петра, русские продвинулись на юг до Сан-Франциско, где основали меховую факторию. Более ста лет Аляска, известная тогда как Русская Америка, управлялась контролируемой государством Российско-американской компанией. В 1867 г. обширная территория, ставшая позднее сорок девятым американским штатом, была продана Александром II за 7 миллионов долларов. В настоящее время пятидесятитрехмильный Берингов пролив является единственным местом на земном шаре, где между США и Россией проходит граница.

⁴⁴ Вебер рассказывает об одной курьезной просьбе, с которой бухарский хан через своего посла в Петербурге обратился к Петру: посол умолял царя подарить его государю или позволить купить для него нескольких шведских девушек, ибо его повелитель был наслышан о воинственной шведской нации и желал, чтобы в его владениях появились подданные, в чьих жилах текла бы шведская кровь. Хотя царь ответил отказом, бухарский посол все же ухитрился заполучить двух шведских пленников, которых и увез с собой.

пройти по всему руслу реки и направить купцов и инженеров к ее истокам и далее за горы, в Индию. По возвращении они представили бы царю необходимые сведения, а если еще удалось бы заручиться лояльностью хивинского и бухарского ханов, Петр смог бы приступить к освоению постоянного торгового пути в Индию, что и было его конечной целью.

Во главе экспедиции был поставлен князь Александр Бекович-Черкасский – до крещения князь Девлет-Кизден-Мурза. Отец его владел землями на Кавказе, в Кабарде (называемой у русских Черкасской землей) – крае, подвластном персидскому шаху. Однажды шах случайно увидел жену кабардинского князя и приказал своему вассалу отослать красавицу в свой гарем. Однако тот не подчинился и бежал с семьей в Москву, под защиту русского царя. В России его сын крестился в православие, стал капитаном гвардии и служил в Астрахани и на кавказском рубеже. Рассудив, что лучшего человека для того, чтобы иметь дело с мусульманскими правителями, ему не сыскать, Петр вызвал Бековича в Ригу и, дав князю последние наставления, отправил его выполнять царскую волю.

Летом 1716 года Бекович-Черкасский выступил из Астрахани. Под его началом находился 4-тысячный отряд солдат регулярной армии, отряд казаков, а также команда инженеров и топографов. На восточном побережье Каспийского моря, издавна подвластном хивинскому хану, русские заложили две крепости. Хан был сильно разгневан, но, даже зная о его реакции, Бекович тем не менее весной 1717 года двинулся дальше к Хиве. Его отряду предстояло пройти триста миль по безводной пустыне. В ста милях от Хивы путь русским преградило ханское войско – началось сражение, продолжавшееся три дня. Бекович одержал победу, и хан запросил мира. Он сам и с ним хивинские старейшины поклялись на Коране нерушимо соблюдать договор. Затем хан пригласил победителя в Хиву, предложив ему – под предлогом, что так легче будет прокормить солдат, – разделить русские силы и расставить их в пяти городах. Бекович неосмотрительно согласился, и очень скоро ханское войско один за другим принудило к сдаче разрозненные русские отряды. Все офицеры были зверски убиты, а солдаты проданы в рабство. Самого князя приволокли в ханский шатер, где на полу была расстелена алая кошма – символ крови и смерти. Князь отказался преклонить на ней колени перед ханом, и тогда ханские телохранители – чтобы он пал ниц перед их владыкой, – перерезали ему икры своими кривыми саблями. Вслед за тем обрусевшего кабардинца обезглавили, содрали с него кожу и, набив се соломой, выставили чучело на обозрение во дворе ханского дворца.

Раздосадованный тем, что его мечта добраться до Индии через Среднюю Азию не осуществилась, Петр приложил немало усилий к тому, чтобы открыть для России другой путь – через Персию. Он стремился также убедить шаха изменить маршрут караванов, следовавших весьма прибыльным «Шелковым путем», с тем чтобы они из Персии двинулись на север – через Кавказ к Астрахани и далее по русским рекам в Петербург, а не традиционной дорогой, на запад – через Турцию к Средиземному морю. Петр рассчитывал, что осуществить этот план удастся без особых затруднений: он издавна поддерживал дружественные отношения с шахом. Характеризуя восточного владыку, Вебер писал в 1715 году: «Сей государь, сорока лет от роду, отличается весьма ленивым нравом и целиком предается удовольствиям; свои отношения с Турцией, Индией и другими соседями он улаживает, меняя наместников провинций и соря деньгами. Хотя он именует себя шахиншахом (царем царей), но все же страшится турок, и несмотря на то что за восемьдесят лет Турция захватила у Персии множество владений, таких как Мидия, Ассирия, Вавилон и Аравия, персы всегда старались избежать войны с Портой».

Договариваться с шахом Петр послал одного из своих самых деятельных «птенцов» – Артемия Волынского – молодого дворянина, успевшего уже и в драгунах послужить, и принять участие в дипломатических переговорах с Турцией в качестве помощника Шафирова. Согласно собственноручному распоряжению Петра, Волынскому предписывалось, «едуци во владения шаха, разведать все места, пристани, города и прочие поселения» и сделать вывод относительно истинного могущества Персии. Одной из

важнейших его задач было попытаться выяснить, «...нет ли какой реки из Индии, которая б впала в сие [Каспийское] море».

Волынский прибыл в Исфахан, древнюю столицу Персии, в марте 1717 года и чуть не сразу угодил под домашний арест. Впрочем, сам Волынский был тут совершенно ни при чем. Дело в том, что шах и его визирь прослышали о построенных Бековичем-Черкасским на восточном берегу Каспия крепостях и о его злосчастном походе на Хиву. Они не без основания усмотрели в миссии Волынского попытку русского императора с каким-то дальним прицелом прощупать почву в Персии и на всякий случай посадили посла в его доме под караул, чтобы он не смог заметить общей ослабленности, уязвимости персидского государства. Но они не в силах были помешать Волынскому составить собственное мнение о шахе Гуссейне и шахском дворе после того, как он побывал на аудиенции. «Здесь, – сообщал Волынский, – такая ныне глава, что он не над подданными, но у своих подданных подданный, и чаю, редко такого дурачка можно сыскать и между простых людей, не токмо из коронованных, того ради сам ни в какие дела вступать не изволит, но во всем положился на наместника [визиря], Ехтма-Девлета, который всякого скота глупее, однако у него такой фаворит, что шах у него изо рта смотрит и то делает, что тот велит...»

Несмотря на ограниченную свободу передвижения, Волынский сумел заключить торговый договор, по которому русским купцам предоставлялось право торговать по всей Персии и закупать там шелк-сырец. И кроме того, он ухитрился выведать достаточно, чтобы судить об упадке Персидской державы: докладывая об этом Петру, он уверял, что можно безо всякого риска пощипать каспийские провинции шаха. На обратном пути Волынского тайно посетил посланник грузинского владыки, призывавший царя выступить походом на юг, дабы прийти на помощь закавказским христианам.

По возвращении в Россию Волынский в награду за труды получил чин генерал-адъютанта и был назначен астраханским губернатором. Из Астрахани Волынский не переставал напоминать государю о возможностях, открывавшихся для России на юге в связи с развалом Персидской империи. Он не только расписывал, чего и сколько можно захватить даже с помощью небольшого войска, но и предупреждал, что если царь не поторопится завладеть Кавказом, то его опередит турецкий султан. Однако Петр откладывал решение до окончания войны со Швецией. По стечению обстоятельств сразу после подписания Ништадтского мира произошел инцидент, предоставивший России предлог для вторжения. Племя кавказских горцев, намеревавшееся вступить с Россией в союз против персов, не дождавшись русских, напало на персидский торговый город Шемаху. Поначалу русские купцы, находившиеся в этом городе, не проявляли беспокойства, поскольку им была обещана неприкосновенность. Однако горцы начали грабить всех без разбору, убили нескольких русских и захватили товаров на полмиллиона рублей. Волынский немедленно отписал Петру, что случившееся может послужить прекрасным основанием для выступления русских войск под предлогом защиты российской торговли и оказания помощи шаху в наведении порядка в его владениях. Ответ Петра был таким, на какой и уповал Волынский: «Письмо твое получил, в котором пишете о деле Даудбека и что ныне самый случай о том, что вам приказано предуготовлять. На оное ваше мнение отвечаю, что сего случая не пропустить зело то изрядно, и мы уже довольную часть войска к Волге маршировать велели на квартиры, отколь весною пойдут в Астрахань».

Волынский также настаивал и на том, что пришло время подвинуть христианских князей Грузии и других областей Кавказа выступить против власти персидского шаха. Но в этом вопросе Петр проявил осторожность. Одиннадцать лет назад он уже поднимал христианских князей Молдавии и Валахии против турецкого султана и не хотел повторять этот неудачный опыт. Царь стремился наладить торговлю шелком и открыть путь в Индию посуху, для чего и намеревался, по возможности мирными средствами, установить контроль над западным побережьем Каспия. Поэтому перед началом кампании он не стал выступать с воззванием к единоверцам и выставлять себя освободителем православных христиан. Вместо этого царь инструктировал Волынского следующим образом: «Что же вы пишете о принце

грузинском, оного и прочих христиан, ежели кто к сему делу желателен будет, обнадеживайте, но чтоб до прибытия наших войск ничего не зачинали (но обыкновенной дерзости тех народов), а тогда поступали бы с совету».

Пока Петр в Москве дожидался наступления весны, из Персии поступили тревожные сведения. В результате афганского мятежа шах Гуссейн был низложен, и престол занял его третий сын, Тахмасп-Мирза, которому пришлось бороться за власть с афганским предводителем Махмудом. Опасность заключалась в том, что Турция, определенно положившая глаз на западные области Кавказа, могла воспользоваться смутой и упадком власти в Персии для того, чтобы прибрать к рукам заодно и восточный Кавказ, – а ведь именно на эти прикаспийские земли и претендовал Петр.

По приказу императора 3 мая 1722 года из Москвы выступили гвардейские полки, а десять дней спустя за ними последовал сам государь в сопровождении Екатерины, Апраксина, Толстого и многих других сановников. В Коломне они сели на суда и по Оке и Волге поплыли в Астрахань. Хотя царская флотилия спускалась вниз по течению, а реки после весеннего паводка были еще полноводными, путешествие заняло целый месяц – и все из-за неутолимого любопытства Петра. Он останавливался в каждом встречавшемся на пути городишке, чтобы осмотреть его и ознакомиться со всем, что могло представлять хоть какой-то интерес, а также принять прошения и порасспросить о местных делах, главным образом об источниках доходов. Ни одна мелочь не ускользала от его пристального внимания: каждый день из-под пера императора выходили указы на самые различные темы – от усовершенствования крестьянских изб до изменения конструкции волжских судов. Некогда Иван Грозный покорил Казанское ханство: Петр стал первым после него российским государем, посетившим Казань, древнюю татарскую столицу. Царя интересовали не только казанские верфи, церкви и монастыри. Но и те посады, в которых, как и встарь, жили татары. Осмотрев казенную прядильную фабрику, Петр отметил, что работает она слабо, вполсилы, да и товар выпускает неважный, тогда как частная фабрика по соседству процветает. Тут же на месте он распорядился передать казенную фабрику преуспевающему частному владельцу. В Саратове Петр встретился с ханом Акжой, семидесятилетним предводителем калмыков. Встреча состоялась на борту императорской галеры, и Екатерина подарила жене хана золотые, усыпанные бриллиантами часы. Хан не замедлил сделать ответный жест и приказал пяти тысячам калмыцких наездников присоединиться к царскому войску.

В Астрахани Петр пробыл месяц, делая последние приготовления к предстоящей кампании. В город стягивались войска общей численностью в 61 000 человек; 22 000 пехоты, 9000 регулярной кавалерии, 5000 матросов и, кроме того, дополнительные конные отряды – 20 000 казаков и 5000 калмыков. Пока подходили войска, Петр наблюдал за промыслом белуги, огромной рыбы, достигавшей в длину восемнадцати футов. Ее сероватую икру россияне считали особым лакомством и потому оставляли себе, тогда как черную икру громадного осетра в больших количествах вывозили в Европу.

18 июля, погрузив пехоту на суда, Петр отплыл из Астрахани и прошел 200 миль к югу, вдоль западного побережья Каспия, в то время как его многочисленная кавалерия двинулась посуху, через полупустыни и степи Прикаспийской низменности. Из-за волнения на море плавание продолжалось неделю, но в конце концов царская эскадра бросила якорь в маленьком заливе, к северу от Дербента. Петр первым сошел на низкий берег, вернее, туда его отнесли на доске четыре матроса. Государь тут же решил, что всем офицерам, не бывавшим прежде на Каспии, следует искупаться в море. Некоторые из офицеров, особенно те, кто был постарше и не умел плавать, выполнили этот приказ весьма неохотно. Сам Петр искупался с удовольствием, однако плавать не стал – его окунули в море на той же доске.

Как только подошла кавалерия, русская армия выступила к Дербенту, несмотря на то что за время перехода и кони, и люди пострадали «от безводицы и худой травы». Войска продвигались по узкой береговой полосе, зажатой между морем и скалами, однако, несмотря на уязвимость своего положения, с вооруженным сопротивлением столкнулись всего только раз. Один из местных князьков жестоко расправился с тремя казаками, посланными к нему с

письмом от Петра. Им, живым, распороли грудь и вырвали сердца. Русские отреагировали немедленно – селение нападавших было обращено в пепел. Петра поразило мужество, которое проявили горцы. «Зело удивительно сии варвары бились; в обществе нимало не держались, но побежали, а партикулярно [в одиночку] деспаратно [отчаянно] бились так, что, покинув ружье, якобы отдаваясь в полон, кинжалами резались».

Прочие местные правители принимали императора и императрицу с почетом. В Тарках местный мусульманский князь привел с собой в русский лагерь своих жен и наложниц. «Мусульманки, – вспоминал капитан Питер Брюс, – восседали в шатре императрицы на бархатных подушках, разложенных на персидских коврах». Государыня приглашала в свой шатер офицеров, сменившихся с дежурства, дабы те могли удовлетворить свое любопытство и полюбоваться этими «несравненно прекрасными, очаровательными созданиями». Петр и Екатерина отстояли обедню в походной часовне Преображенского полка, после чего император, императрица, а за ними все солдаты бросили на землю по камню, и в память о молебне, отслуженном на этом месте во здравие российского монарха, вырос каменный курган.

Прежде всего Петр стремился овладеть Дербентом, городом, который, по преданию, основал еще Александр Македонский. Дербент имел как военное, так и коммерческое значение: он представлял собой крупный торговый центр и занимал важное стратегическое положение на ведущей с севера на юг, по берегу Каспия, дороге. Город запирали узкий проход между горами и морем и таким образом контролировали любое движение по этой дороге. Дербент сдался без боя. Когда Петр приблизился, дербентский наместник уже ждал его, чтобы преподнести «золотые ключи от города и крепости на подушке из богатой персидской парчи».

Легко заняв Дербент, Петр, по своему обыкновению, принялся лелеять уже более масштабные планы. Теперь он вознамерился пройти еще сто пятьдесят миль к югу и захватить Баку, а после этого основать еще южнее, в устье Куры, новый торговый город, которому предназначалась роль узлового пункта на задуманном караванном пути между Индией, Персией и Россией. Оттуда император предполагал двинуться вверх по Куре к Тифлису, столице Грузии, где намеревался заключить союз с христианским государем Вахтангом, а затем вновь пересечь Кавказский хребет, на сей раз в северном направлении, и вернуться в Астрахань через земли терских казаков. «Такс, – писал он Сенату, – в сих краях фут получили».

Однако, к сожалению, события разворачивались не в его пользу. Персидский наместник Баку отказался пустить русский гарнизон, а это значило, что для захвата города потребуется применить военную силу. Петр располагал достаточным войском для того, чтобы преодолеть любое сопротивление, но серьезно опасался трудностей со снабжением. Отправленный из Астрахани с припасами флот угодил на Каспии в жесточайший шторм и в Дербент так и не прибыл. Местные запасы быстро таяли, а стоявшая на побережье августовская жара доводила до изнеможения и людей, и коней. Солдаты ели фрукты и дыни, которыми всегда славился Кавказ, но от неумеренного их употребления многие заболели, так что иные полки потеряли до десятой части солдат. Чтобы защититься от палящего зноя, Петр обрил голову и днем носил шляпу с широкими полями, а холодными вечерами надевал парик, изготовленный из его собственных волос. Императрица последовала примеру мужа: она остригла волосы, а по вечерам прикрывала голову гренадерской шапкой. Положение солдат, страдавших от жары, тревожило ее не меньше, чем Петра, и однажды она даже решила отменить его приказ. Повелев солдатам выступить в поход, император удалился в палатку и лег спать, а проснувшись, с удивлением обнаружил, что войска все еще в лагере. «Какой генерал осмелился нарушить приказ?» – в гневе воскликнул царь. «Это я, – отвечала Екатерина. – Ваши люди мучились бы от жары и жажды, в то время как их государь, за которого они так великодушно жертвуют жизнью, пользуется отдыхом, столь необходимым для них».

Размышляя о положении своей армии, Петр ощущал нарастающее беспокойство. До ближайшего российского опорного пункта, Астрахани, было очень далеко; наладить снабжение армии морским путем не удалось; горы, тянувшиеся вдоль северного фланга его сил, были населены недружественными племенами, и, главное, существовала угроза того, что на защиту своих интересов на Кавказе выступит Турция. В отличие от Персии, Османская империя представляла собой серьезную военную силу, и Петр вовсе не желал повторения прутского конфуза. С учетом всех этих соображений на военном совете было принято решение уходить с Кавказа. В Дербенте оставили гарнизон, а остальные силы отошли на север в Астрахань – частично морем, а частично сушей.

4 октября Петр достиг устья Волги и остановился в Астрахани. Там он задержался на месяц – занимался устройством войск на зимние квартиры и налаживал уход за больными. Некоторое время он и сам серьезно недомогал – у него случился приступ мочекаменной болезни. Перед отъездом из Астрахани Петр недвусмысленно дал понять, что отступление во время летней кампании отнюдь не означает отказа от планов усиления русского влияния на Кавказе. В ноябре он выслал берегом и морем экспедиционный корпус и эскадру для овладения портом Решт, расположенным на южном берегу Каспия, в пятистах милях от Астрахани.

В июле следующего года русские войска заняли Баку, и все южное побережье огромного внутриконтинентального моря оказалось в руках Петра. Переговоры с попавшим в безвыходное положение шахом привели к тому, что он уступил России права на Дербент, а заодно и на три приморские провинции на восточном Кавказе. Как объяснил Петр персидскому посланнику, если шах не уступит эти земли дружественной России, то ему придется отдать их враждебной Турции. В сложившейся ситуации шаху не оставалось ничего другого, как согласиться со своеобразной логикой русских притязаний.

* * *

Распад Персидской державы и военный поход Петра на Каспийское побережье вновь привели Россию на грань столкновения с Османской империей. Высокая Порта издавна зарилась на Закавказье, то есть на подвластные Персии Грузию и Армению, лежавшие к югу от могучего Кавказского хребта. Турки стремились покорить эти земли не потому, что их населяли христиане, а потому, что это были пограничные с Турцией территории, имевшие выход к Черному морю. Султан не возражал против того, чтобы Петр прибрал к рукам персидские провинции на берегах Каспия, но не мог пустить русских к Черному морю, вновь превратившемуся – после возвращения султану Азова – в «турецкое озеро». В конце концов царь и султан полюбовно уладили этот вопрос, договорившись о разделе персидских владений. Одна беда – Персия никак не хотела смириться с этим соглашением и продолжала по очереди бороться то с одним могущественным соседом, то с другим. В 1732 году императрица Анна решила, что каспийские провинции лишь истощают силы России (в этом непривычном климате болезни ежегодно уносили до 15 000 жизней русских солдат), и вернула их персам. Северный Кавказ был присоединен к России лишь в царствование Екатерины Великой, и только в 1813 году, в правление внука Екатерины Александра I, Персия отказалась в пользу России от тех самых прикаспийских земель, по которым прошла русская армия во время последнего Персидского похода Петра.